

УДК: 304.5.
ББК 71.4.

Наталья Александровна Лукьянова
доктор философских наук,
Национальный исследовательский
Томский политехнический университет
(Томск, Россия), e-mail: kir712@yandex.ru

**Символический капитал власти
в технологиях конструирования национальной идентичности**

Необходимость анализа ресурсов символического капитала власти в процессах формирования национальной идентичности обусловлена необходимостью показать широкие возможности этой технологии с точки зрения понимания символа как символического инструмента культуры, что позволяет не просто констатировать, но и понимать происходящие в культуре процессы. В статье осуществлён анализ процессов формирования национальной идентичности с позиции господства в данном концепте определённых интенций символической борьбы, что позволяет раскрыть потенциал символического капитала власти в технологиях конструирования национальной идентичности. Указывается на противоречивость технологий формирования символического капитала власти в конструировании национальной идентичности как «образа для себя» и «образа для других». Доказано, что анализ процессов формирования национальной идентичности с позиции господства определённых интенций в символическом капитале власти («образ для себя» и «образ для других») позволяет увидеть, что технологии конструирования национальной идентичности невозможны без опоры на символы.

Ключевые слова: власть, символ, знак, символический капитал, национальная идентичность, социальное конструирование, образ для себя, образ для других.

Nataliya Aleksandrovna Luk'yanova
Doctor of Philosophy,
Tomsk National Research Polytechnic University
(Tomsk, Russia), e-mail: kir712@yandex.ru

**Symbolic Capital of Power in Technologies
of Constructing National Identity**

The resources of symbolic power capital in national identity process are symbolic tools of culture that let not only describe the cultural processes but understand them as well. So, they are to be analyzed as a cultural technology. The article analyzes the processes of national identity formation from the perspective of the dominant symbolic intentions within the concept. The analysis reveals the potential of the symbolic power capital in the technology of constructing national identity. The analysis is hold in tradition of A. Whitehead's philosophy followed by his student S. Langer. They understand power capital as a vital power need for "national identity" that is seen in tendency to gain its own identity symbols. The author underlines inconsistency of the technologies used to form the symbolic power capital in constructing national identity as "image for oneself" and "image for others". The analysis of national identity process proves that such intentions as "image for oneself" and "image for others" are essential for understanding the importance of symbols for constructing national identity.

Keywords: power, symbol, sign, symbolic capital, national identity, social construction, image for oneself, image for others.

С точки зрения изучения современной западно-европейской культуры анализ характеристик национальной идентичности с позиции рассмотрения такого её элемента, как символический капитал власти, представляется сегодня

особенно актуальным. Как отмечает К. С. Гаджиев: «Национальная идентичность интегрирует в себя внешние и внутренние составляющие. Для неё особенно важно соответствие внутреннего и внешнего, формы и содержания,

проявления и сущности» [7]. Символический капитал власти можно рассматривать как внутреннюю составляющую единого концепта – национальная идентичность.

В представленной статье будет осуществлён анализ потенциала символического капитала власти в процессах формирования национальной идентичности в традиции философии А. Н. Уайтхеда и его последовательницы С. Лангер. В таком понимании символический капитал власти есть важнейшая, глубоко органичная властная потребность в едином концепте «национальная идентичность», что выражается в стремлении к обретению собственных символов, которые представляют собой зримое выражение основной идеи идентичности.

О символической власти писал П. Бурдьё, описывая специфический тип власти в социуме и указывая на источник формирования символической власти – символический капитал. «Бурдьё приводит пример Кабилии, где группы, дома, кланы или трибы и мена, обозначающие их, являются инструментами и ставками многочисленных стратегий, и что агенты заняты непрерывными переговорами о своей идентичности: например они могут манипулировать генеалогиями, как учёные манипулируют (с теми же целями) текстами какой-либо дисциплины» [13].

В своих рассуждениях о символической власти П. Бурдьё опирается на идеи неокантианской традиции, он рассматривает различные символические универсумы: миф, язык, искусство, науку – как инструменты познания и конструирования мира предметов, как «символические формы». Переход от символа к смыслу является отражением реальности в переживании субъекта, а посредством символизации конструирования мира в символических формах решается проблема познаваемости мира в его изменчивости. Однако, символизация – это не просто «форма духовной адаптации» [8, с. 470], как её понимал Э. Кассирер (именно такое понимание символа представлено у П. Бурдьё). Представляется, что в основе формирования символического капитала власти лежит понимание символа как интеллектуального инструмента, т. е. это не только ощущения или эмоции. Данная трактовка принадлежит С. Лангер, которая была ученицей А. Н. Уайтхеда и поклонницей творчества Э. Кассирера. Вслед за Кассирером она рассматривает человека как животное, производящее символы.

Как для Кассирера, так и для Лангер проблема конструирования мира с помощью символических форм есть проблема познаваемости мира. Она говорит, что несомненная заслуга Кассирера заключается в том, что он предложил новый способ видения искусства в связи с другими аспектами человеческой культуры. Такое понимание символа даёт осмысление того, как рождается тот или иной смысл символа, но не раскрывает понимание того, что будет результатом такого осмысления, т. к. смысл символа не дан, а задан и раскрывается в динамике его восприятия как первичной потребности, присущей человеку. Именно в этом С. Лангер не соглашается с Э. Кассирером, утверждая, что символ есть спонтанное проявление человеческой природы, а не априорная логическая структура. Однако, вслед за Кассирером Лангер настаивает на том, что эти вне-научные области человеческой жизни и опыта носят, тем не менее, интеллектуальный характер (то есть символический – Н.Л.) и могут быть предметом философского исследования.

Продолжая исследования символа в традициях философии Уайтхеда, Лангер рассматривает символизм как важнейшую, глубоко органичную властную потребность [9], которая воплощает потребность и потенциал символизации. «Символическая функция – одна из первичных в человеческой деятельности, подобно питанию, ориентации в пространстве, передвижению. Она является фундаментальным и постоянным процессом человеческого ума» [9]. Мышление – это символический процесс. Посредством символических форм человек может постигать мир и упорядочивать окружающий его хаос. Для Уайтхеда символизм – это способ познания мира, он показал особое значение не символа как такового, а символизма [10, с. 110]. Таким образом, концепция символизма Уайтхеда существенно отличается от философии символических форм Кассирера тем, что он исследует символизм в контексте различных компонентов восприятия. В целом он исходит из следующего понимания: «человечество ищет символ, чтобы выразить себя» [12, с. 46, 49].

Именно такое понимание символизма даёт нам основание утверждать, что символический капитал власти входит в мировоззренческую инфраструктуру национальной идентичности. Особость и естественность – ключевые условия формирования национальной идентичности. При этом национальные

идентичности – не есть нечто раз и навсегда данное. Они могут зарождаться, исчезать и «переинтерпретироваться». Основой для такой «интерпретации» и «переинтерпретации» является символический капитал власти. Именно символический капитал в целом и каждый отдельный символ в частности делает действительность познаваемой. Поскольку символ специфически перерабатывает действительность, он является определённым пониманием, или интерпретацией. Б. Андерсон писал о нациях как о «воображённых политических общностях и воображённых, как такие, которым имманентно присущи особость и суверенитет» [2]. Таким образом, символизация становится не средством для общения или удержания объектов в мышлении, а целью и способом существования. В символическом капитале власти воплощается видение народом себя изнутри, это «не что иное, как экономический или культурный капитал, когда тот становится известным и признанным, когда его узнают по соответствующим критериям восприятия» [4].

Делая небольшое отступление в наших рассуждениях, отметим, что, по мнению В. А. Ачкасова, «образ себя» любого народа распадается на: образ для других, образ для себя и образ в себе [7]. ««Образ для себя» представляет собой понимание народом самого себя как бы изнутри, которое складывается из комплекса традиционных для него исторических, социально-экономических, общественно-политических, социокультурных, политико-культурных и иных реальностей, обычаев, национальных мифов, символов, верований, стереотипов и т. д.» [7]. Адресатом «образа для других», включающего всё те же составляющие, становится внешний мир [7].

Стремление обрести собственную национальную идентичность выражается, в том числе, в стремлении к обретению собственных символов, которые представляют собой зримое выражение основной идеи идентичности. Как отмечает П. Бурдьё: «Символическая власть как власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира и, тем самым, воздействие на мир, а значит, сам мир – это власть квазимагическая, которая благодаря эффекту мобилизации позволяет получить эквивалент того, что достигается силой (физической или экономической), но лишь при условии, что эта власть *признана*, т. е. не вос-

принимается как произвол» [5]. В свою очередь, основным инструментом формирования символического капитала власти становятся институты власти. Ярким примером ведущей роли данных институтов в становлении символического измерения национальной идентичности является процесс формирования Евросоюза.

Процесс создания Европейского союза сопровождался созданием (причём в данном случае, власть выступала инициатором) множества новых символов: единая валюта, таможенные правила, европейское образование и пр.

Тем самым формируется символический капитал власти, посредством легитимации новых смысловых конструкций. Новые символы наделяются значением «единства», за ними признаётся право на легитимацию. Так, Т. Лукман и П. Бергер, видящие в легитимации необходимый процесс конструирования общества как объективной реальности, отмечали, что она представляет собой смысловую объективацию «второго порядка» – объективацию в смысле сигнификации, т. е. означивания неких событий, явлений, процессов [3]. В этом плане она призвана создавать новые знаки символы, а через них и новые представления. Символы настолько отделены от ситуации «здесь-и-сейчас», что образуют свои миры и накладывают на повседневность иную реальность. Т. Лукман и П. Бергер именуют эти миры символическими универсумами и понимают их как матрицу всех социально объективированных и субъективно реальных значений [3]. Это предельно широкое пространство смысловой интеграции, в рамках которого может быть познан любой человеческий опыт.

Однако опыт создания и легитимации новых символов Евросоюза не уникален. Приведём следующий исторический пример. Как известно, императоры, начиная с Карла Великого и до его последователя Оттона I, называли себя «Император Август». В этом имени не предполагалась «привязка» к конкретной территории, поскольку речь шла о том, что Римская империя, а впоследствии и весь мир станет единым государством. Позднее титул трансформируется: «Император Август римлян». Тем самым подчёркивается территориальная принадлежность и отсылает к великому Риму. Подчёркнём, этот титул принадлежал императору немецкой нации. Трансформация титула говорит о формировании в концепте «национальная

идентичность» «образа для себя». В дальнейшем государство начинает называться «Священная Римская империя», что свидетельствует о формировании «образа для других». Как пишет К. С. Гаджиев, адресатом такого образа становится внешний мир [7]. Идея «Священной Римской империи» становится всенародной, в ней подчёркивается значимость нации в целом, а не конкретного человека (императора). Дальнейшие метаморфозы в формировании национальной идентичности нашли отражение в названии «Священная Римская империя немецкой нации», которое появилась в XV в. В таком названии ярко проявляется дуализм национальных стремлений: с одной стороны стремление подчеркнуть собственную уникальность – «образ для себя», с другой – стремление продемонстрировать претензии на мировое господство – «образ для других».

Весь процесс становления национальной идентичности можно рассматривать с позиции подобного дуализма, находящего воплощение в мифах, символах, стереотипах поведения. Символизация капитала, создание некоего символического универсума – это часть борьбы за власть, за абсолютное господство. Обладание символическим капиталом есть условие легитимации власти. Этот процесс, в том числе и при формировании единого образа нации, сопровождается непрерывной символической борьбой – «образа для себя» и «образа для других». Поскольку в этом процессе происходит навязывание своего видения социального порядка. Исход противостояния напрямую зависит от уже имеющейся власти. «Исторический исход каждого столкновения определялся теми, кто лучше владел оружием, а не аргументами... На чьей стороне больше силы, у того больше шансов для определений реальности», – отмечают Т. Лукман и П. Бергер [3].

Ещё раз обратимся к историческому примеру, демонстрирующему значимость символического капитала власти в становлении национальной идентичности. Он позволяет продемонстрировать успешность использования символического капитала в модернизации провинций Испании в последней трети XX века. «При нехватке внутренних ресурсов, в том числе культурных, например, традиций гражданской самоорганизации, особую роль играют привнесённые культурные символы. В Испании их основополагающим мотивом, как отмечает К. А. Монтанер, стала пророческая

фраза Х. Ортеги-и-Гассета, написанная им ещё в 1910 г.: «Испания – проблема, а Европа – решение». Символическая стратегия помогла новой элите представить изменения как движение к «современному золотому веку, приносящему пышные плоды в Западной Европе» [1].

Сегодня в понятии европейская идентичность тесно переплелись «образ для себя» и «образ для других». Действительно, участники символической борьбы используют уже имеющийся в их распоряжении символический капитал для сохранения или изменения существующего порядка, соответственно сохраняя или меняя схемы его восприятия. Например, «немцы любят своё отечество, уважают традиции, чтут культуру и историю, но многие немцы не считают себя немцами, а скорее европейцами или же – в зависимости от региона, где они проживают, – баварцами или франконцами. Подобный кризис национального единства можно объяснять на основании исторических факторов: позднее объединение немецких княжеств в единое государство, послевоенная денацификация, существование одной нации на два государства и т. д.» [11]. Итогом этой борьбы является становление системы понятий (что и находит отражение в становлении единой системы символов: единая валюта, отсутствие границ и пр.), усвоенных агентами как на сознательном, так и бессознательном уровне. Особенно важно второе, т. к. признание легитимности не всегда является сознательным актом. Необходимо, чтобы сконструированные когнитивные структуры были интериоризированы или, используя терминологию П. Бурдьё, инкорпорированы субъектами-агентами, реализующими социальные практики в форме предзаданных ансамблей диспозиций восприятия.

Таким образом, проблема идентичности сегодня непосредственным образом связана с символическим капиталом власти. Причём, символизм, как уже было отмечено выше, рассматривается как важнейшая, глубоко органичная властная потребность [9], которая воплощает потенциал символизации.

Анализ процессов формирования национальной идентичности с позиции господства определённых интенций в символическом капитале власти («образ для себя» и «образ для других») позволяет увидеть, что технологии конструирования национальной идентичности невозможны без опоры на символы. Как отмечает К. С. Гаджиев, кризис идентичности

является результатом разочарования в господствующих идеалах и ценностях, падения к ним доверия и к существующей власти [7]. Стремление проанализировать ресурс символического капитала власти в процессах формирования национальной идентичности было вызвано, прежде всего, желанием продемонстрировать богатые возможности этой технологии с точки зрения понимания символа как символического инструмента культуры, что позволяет не

просто констатировать, но и понимать происходящие в культуре процессы. Национальная идентичность в современном мире содержит в себе значительный символический заряд, воплощённый в символах, способных воспитывать гордость и чувство принадлежности к определённой территории. Этот фактор имеет решающее значение при реализации государством своих внутри- и внешнеполитических проблем.

Список литературы

1. Абалмасова Н. Е., Паин Э. А. Опора на символы в формировании региональной идентичности // Вестн. Ин-та географии РАН. 2011. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/152/9679.php> (дата обращения: 04.01.2013).
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/index.php (дата обращения: 10.01.2013).
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. URL: <http://socioline.ru/pages/p-berger-t-lukman-sotsialnoe-konstruirovanie-realnosti> (дата обращения: 10.01.2013).
4. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Социологическое пространство П. Бурдьё. URL: <http://bourdieu.name/content/socialnoe-prostranstvo-i-simvolicheskaja-vlast> (дата обращения: 16.04.2011).
5. Бурдьё П. О символической власти // Бурдьё Пьер. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87–96. URL: http://www.ec-dejavu.net/p-2/Power_Bourdieu.html (дата обращения: 27.01.2013).
6. Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
7. Гаджиев К. С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопр. философии. 2011. № 10. С. 3–16. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=400 (дата обращения: 15.01.2013).
8. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке / пер. с нем. Б. Вимер [и др.]; отв. ред. Л. Т. Мильская. М.: Гардарики, 1998. 779 с.
9. Лангер С. Философия в новом ключе: исследование символики разума, ритуала и искусства / пер. с англ. М.: Республика, 2000. 287 с. URL: <http://ru.philosophy.kiev.ua/library/langer/> (дата обращения: 25.06.2011).
10. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / пер. с англ. Т. Азарковича, Б. Скуратова. М.: Логос, 2001. 408 с.
11. Немецкий вопрос и проблема формирования национальной идентичности. URL: <http://mir-politika.ru/2594-nemeckiy-vopros-i-problema-formirovaniya-nemeckoy-nacionalnoy-identichnosti.html> (дата обращения: 21.01.2013).
12. Уайтхед А. Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск: Водолей, 1999. 64 с.
13. Ширшова И. Основные понятия концепции П. Бурдьё. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_632.htm (дата обращения: 21.01.2013).

References

1. Abalmasova N. E., Pain Je. A. Opora na simvol'y v formirovanii regional'noj identichnosti // Vestn. In-ta geografii RAN. 2011. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/152/9679.php> (data obrashhenija: 04.01.2013).
2. Anderson B. Voobrazhaemye soobshhestva. Razmyshlenija ob istokah i rasprostranении nacionalizma. M., 2001. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/index.php (data obrashhenija: 10.01.2013).
3. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. URL: <http://socioline.ru/pages/p-berger-t-lukman-sotsialnoe-konstruirovanie-realnosti> (data obrashhenija: 10.01.2013).

4. Burd'e P. Social'noe prostranstvo i simvolicheskaja vlast' // Sociologicheskoe prostranstvo P. Burd'e. URL: <http://bourdieu.name/content/socialnoe-prostranstvo-i-simvolicheskaja-vlast> (data obrashhenija: 16.04.2011).
5. Burd'e P. O simvolicheskoy vlasti // Burd'e P'er. Sociologija social'nogo prostranstva. M.: In-t jeksperimental'noj sociologii; SPb.: Aletejja, 2007. S. 87–96. URL: http://www.ec-dejavu.net/p-2/Power_Bourdieu.html (data obrashhenija: 27.01.2013).
6. Burd'e P. Duh gosudarstva: genezis i struktura bjurokraticeskogo polja // Sociologija social'nogo prostranstva. M.: In-t jeksperimental'noj sociologii. SPb.: Aletejja, 2007. 288 s.
7. Gadzhiev K. S. Nacional'naja identichnost': konceptual'nyj aspekt // Vopr. filosofii. 2011. № 10. S. 3–16. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=400 (data obrashhenija: 15.01.2013).
8. Kassirer Je. Izbrannoe. Opyt o cheloveke / per. s nem. B. Vimer [i dr.]; otv. red. L. T. Mil'skaja. M.: Gardariki, 1998. 779 s.
9. Langer S. Filosofija v novom ključe: issledovanie simvoliki razuma, rituala i iskusstva / per. s angl. M.: Respublika, 2000. 287 s. URL: <http://ru.philosophy.kiev.ua/library/langer/> (data obrashhenija: 25.06.2011).
10. Mamford L. Mif mashiny. Tehnika i razvitie chelovechestva / per. s angl. T. Azarkovicha, B. Skuratova. M.: Logos, 2001. 408 s.
11. Nemeckij vopros i problema formirovanija nacional'noj identichnosti. URL: <http://mir-politika.ru/2594-nemeckiy-vopros-i-problema-formirovaniya-nemeckoy-nacionalnoy-identichnosti.html> (data obrashhenija: 21.01.2013).
12. Uajthed A. N. Simvolizm, ego smysl i vozdejstvie. Tomsk: Vodolej, 1999. 64 s.
13. Shirshova I. Osnovnye ponjatija koncepcii P. Burd'e. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_632.htm (data obrashhenija: 21.01.2013).

Статья поступила в редакцию 5 февраля 2013 г.